

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Государства Пиренейского полуострова в позднее средневековье. — Начало эпохи Великих географических открытий. — Кругосветное путешествие Магеллана. — Государства Италии. — Папство. — Мартин Лютер и начало Реформации

Торговые отношения древних простирались не далее Китая и пределов южного мира, Цейлона и Явы. Арабы поддержали и усилили эти отношения, причем Александрия осталась главным рынком общей торговли, в которой вскоре приняли участие и итальянские приморские города. Нашествие монголов в XIII в. ничего не изменило. Напротив, именно в это время некоторые миссионеры и путешественники, как например, знаменитые венецианцы Маффео, Никколо Поло и его сын *Марко Поло*, в 1270 г. открыли путь в Китай или Восточную Азию. В китайских гаванях встречаются арабы, в Пекине — францисканские монахи: еще в 1342 г. до низвержения отличавшихся веротерпимостью монгольских царей здесь раздавался звон христианских колоколов. Действительные очертания Африки были еще неизвестны, и потому торговля стремилась на побережье Средиземного моря, а с берегов Средиземного моря распространялась в глубь европейского материка. Первый решительный удар торговле был нанесен османами. Поражение коснулось прежде всего Дона и Черного моря, затем Сирии, Александрии, Красного и Средиземного морей, дав этим повод к открытию новых путей. Разные предания, легенды, морские сказки упоминали о каких-то «Благословенных островах», лежавших в Атлантике, но они скрывались за «Морем Мрака», как называли мавры Атлантический океан. Изображения Геракла или Александра, статуи Искандера, должны были стоять на европейском и африканском берегах по сторонам пролива для предостережения путников от дальнейшего странствия в неизведанное море.

Португалия. Ис-
пания.

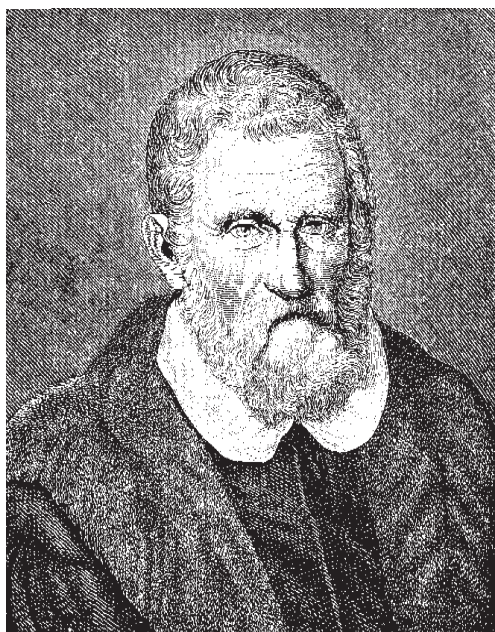
Но в начале XIV в. итальянские моряки, венецианцы и генуэзцы, прошли за эти ворота и завязали непосредственные отношения с Фландрией. Такой морской успех не мог не подействовать на прибрежную к Атлантике *Португалию*. Лиссабон, столица этого королевства, стоящий при устье Тахо (Тежу), приобрел огромное значение в качестве попутной станции. К этому или несколько позднему времени относится открытие *Канарских островов*: в середине столетия мореходы уже имели частые отношения с *гуанчами*, туземцами, среди которых замечались следы некогда высокого развития, которое постепенно заглохло при полном отчуждении островов от остального мира. Сами гуанчи трогательно заявляли о том, что «Бог поместил их здесь, здесь оставил, а потом и забыл о них». Торговые отношения завязались; на всем архипелаге было введено христианство, а в начале XV в. добавились знания об африканском материке, странах, лежащих далеко за

Век от-
крытий.

пределами мира, который был известен древним. Это описание содержится в дневнике одного монаха, которого в 1404 г. завлекла в глубь Африки своеобразная фата-моргана, господствовавшая позднее в средние века: это были рассказы о каком-то пресвитере Иоанне, христианском духовном властителе, проживавшем в отдаленной, малоизвестной, а потому и ревностно отыскиваемой стране.

Настоящим духовным вождем дальнейших открытий был третий сын короля Жоана I, царствовавшего с 1383 по 1433 г. в Португалии, принц *Генрих Мореплаватель*.

Два португальских дворянина, случайно занесенные бурей в открытое море, нашли группу островов *Мадейра*. Сюда привезли виноградную лозу с Кипра, сахарный тростник из Сицилии. В 1430 г. был открыт один из *Азорских островов*, в 1434 г. обогнут мыс *Бохадор*, страшный своими бурунами, и по другую сторону его был водружен крест — символ христианского владычества, мало соответствовавший усиливавшейся охоте за людьми и торгу ими, хотя именно этот торг и побуждал к морским экспедициям. Ложное мнение о том, что под низшими широтами вертикальные лучи солнца истребляют всякую растительность (предрассудок этот был вызван Сахарой), начина-

Марко Поло. С картины в галерее Бадиа в Риме.

Под картиной подпись: *MARCUS POLUS VENETUS TOTIUS ORBIS ET INDIE PEREGRATOR PRIMUS.*

ло исчезать: охота на людей, выгода от которой, по наивному выражению одного летописца, «ниспосылалась Господом в награду за понесенные на Его пользу труды», завлекала смельчаков все дальше на юг. В 1445 г. *Диниш Диаш*, сам того не заметив, проплыл за устье Сенегала к *Кабу-Верди*, и старинное предположение о необитаемости жаркого пояса исчезло при виде пальм, венчавших высоты этого «Зеленого мыса». В 1446 г. *Нунью Триштан* умер от отравленной стрелы туземца по ту сторону Рио-Гранде. В течение 1448–1481 гг. португальскими каравелами были постепенно открыты все 9 Азорских островов, образующие цепь длиной в 85 миль. При короле Альфонсе V (1438–1481) это рвение несколько ослабло. В 1460 г. умер инфант Генрих; совершенные по его почину и при его поддержке открытия доходили до 9 градусов северной широты. Дон Жоан, *Жоан II* (1481–1495), снова оживил дело. В одной из снаряженных им экспедиций с целью открытий (1484 г.) находился

XV в. Генрих Мореплаватель.

и немецкий космограф, *Мартин Бехайм* из Нюрнберга. Особенно знаменателен 1486 г. Пока португальские посланцы разыскивали фантастического пресвитера Иоанна в Абиссинии и Индии, два корабля под командой *Бартоломеу Диаша* отправились уже известным путем на юг, вдоль западного берега Африки. Около 20 градусов южной широты буря загнала корабли далеко на юго-запад, они повернули на восток, ища твердой земли, взяли курс к северу и снова ничего не нашли: оказалось, что они достигли южной оконечности Африки и обогнули ее. Диаш неохотно вернулся назад; *мыс Бурь*, «Кабу-Торментозу», как прозвали мореходы эту южную африканскую оконечность, был переименован королем в «Кабу-да-Боа-Эшперанза», *мыс Доброй Надежды*. Еще раз его посетили лишь через 10 лет, когда уже был проложен путь к новым замечательным открытиям.

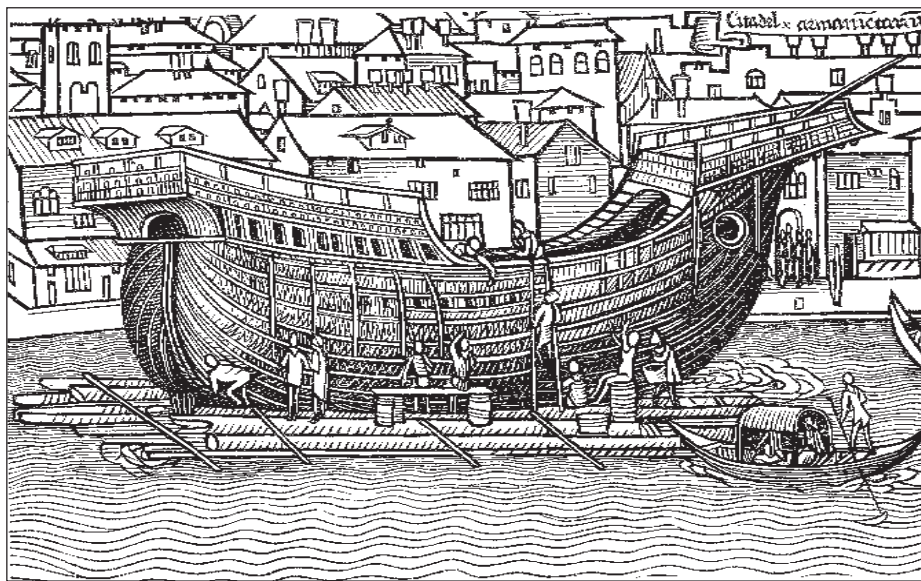
Еще ранее, до 1484 г., один генуэзец, *Христофор Колумб*, предлагал свои услуги королю Жоану в удивительном проекте — открыть новый путь в Китай, как называли тогда богатые области Восточной Азии. Путь этот должен был пролегать с востока на запад по Атлантическому океану. Родившись, как считается, в 1446 г. в семье ткача шерстяных изделий, Колумб с ранних лет посвятил себя мореходству; побывал в Леванте, а затем доплыл и до Исландии; однако нет сведений о том, чтобы он слышал там полуискаженные предания о совершенных некогда морских походах викингов в страны, лежавшие далеко на Западе. Но ему, как опытному мореходу, казалось вполне возможным достижение восточных стран, если направиться на запад. Его ученый соотечественник, флорентинец *Тосканелли*, высказывал подобную мысль в 1474 г. Колумб узнал в Лиссабоне, что и другие делали такое предположение, но война с Кастилией помешала выполнить этот проект. Королевская комиссия, которой было поручено его рассмотреть, нашла его необдуманным: он противоречил данным науки того времени. Колумб со своим сыном Диего в 1484 г. покинул Португалию и отправился в Испанию.

Колумб.

Принц Генрих (Энрики) Мореплаватель. Миниатюра из созданной в 1448–1453 гг. рукописи «Chronica do descobrimento e conquista de Guine etc.» («Хроника открытия и завоевания Гвинеи и т. д.»). Париж. Национальная библиотека.

Испания с 1454 г. В судьбах испанских государств в XV в. наступил решительный поворот вследствие одного брака: донья *Изабелла Кастильская*, сестра Энрике IV (1454–1474), при котором государство было страшно потрясено продолжительной междоусобицей, вступила в брак с *арагонским* принцем *Фердинандом* в 1469 г. С 1474 г. Изабелла вступила на кастильский престол; 4 года спустя Фердинанд стал королем Арагона, и хотя оба королевства остались

Строительство корабля. Гравюра XV в.

отдельными, личный союз правителей положил основу единству и прежде всего удвоил коронную власть. Как в одном, так и в другом государстве правительству удалось обуздать своевластие дворянства, ослабленного постоянными раздорами между знатными фамилиями. Фердинанд хитростью и терпением успел укрепить за собой гроссмейстерство в трех могущественных рыцарских орденах государства, в то время как Изабелла, женщина редкого ума и добродетели, женским умением привлекла кастильских грандов к занятию должностей при ее дворе. Укрепленные замки разбойничавших дворян были беспощадно разрушены, причем городские братства, «*эрмандады*», оказали большие услуги. Король и королева направили тогда соединенные силы своих владений против общего старинного врага — *мавров*, которые отстали от времени и были раздираемы усобицами. Война продолжалась 10 лет; она уже не отличалась геройскими подвигами времен Сиды, а велась с помощью осад, новоизобретенных орудий и неторопливых тактических приемов против не особенно крепкой защиты. Так падали город за городом, одно за другим горные укрепления, пока не была взята главная твердыня мавров, *Гранада*

(1492 г.). Так и окончилась борьба. Это было минутой блестящего возвеличения обоих королевств, и лишь одна тень ложится на картину: не было проявлено никакой пощады к религии побежденных, не могло быть и речи о малейшей веротерпимости. Насильственное обращение не перерождало евреев и мавров; поэтому совесть испанского населения терзалась мыслью о том, что священные обряды христианской церкви терпят лишь поругание, исполняясь людьми, душевно сохраняющими веру отцов, вследствие чего страна могла даже подвергнуться Божьему гневу! По этой причине *инквизиция*, установленная для преследования кошунства и ересей, пользовалась сочувствием народа.

План генуэзца Колумба, простой и смелый, излагаемый им с пылом религиозного вдохновения, содержал в себе нечто пленительное для возвышенного ума королевы Изабеллы. В январе 1486 г. Колумб был принят на службу кастильской короны. Но война с маврами замедляла всестороннее обсуждение нового замысла. Колумб решился предложить свои услуги французскому правительству. Его брат Бартоломео находился на служ-

Фердинанд и Изабелла.

Мартин Бехайм.

бе у английского короля Генриха VII, но настояния грандов, покровителей моряка, заставили королеву поспешно призвать его обратно. Она отдала его проект на окончательное рассмотрение и решение. Переговоры едва не были прерваны безмерными требованиями генуэзца. Он выговаривал себе дворянское достоинство, звание вице-короля и десятую часть с королевских доходов во вновь открытых землях. Колумб снова направился в путь, в Англию или во Францию, когда прозорливые люди успели внушить королеве, что даже отрицательный результат, т. е. доказательство невозможности пробраться этим путем в Индию, будет стоить затрат. Посланец, везший решение королевы, нагнал Колумба недалеко от того места, где он предполагал сесть на корабль: в старом францисканском монастыре, оказавшем ему гостеприимство. Договор был заключен, и 3 августа 1492 г. из порта *Палос* вышли три судна с экипажем, состоявшим из 90 человек, под начальством адмирала Кристобала Колона, как звучало имя Колумба на испанский лад. При благоприятном восточном пасса-

те, обольщаясь обманчивыми приметами, например, птицами, порхавшими вокруг судов, мореходы бодро шли вперед. Экипаж держался покорно, но когда уже было пройдено около тысячи миль, в октябре смущение сменилось угрозами, люди считали необходимым немедленно вернуться назад, если вообще возвращение еще было возможно... Однако цель была уже недалеко. Земля

Монета Фердинанда и Изабеллы. Париж.
Нумизматический кабинет.

Аверс — профили Католических королей,
реверс — герб Испании.

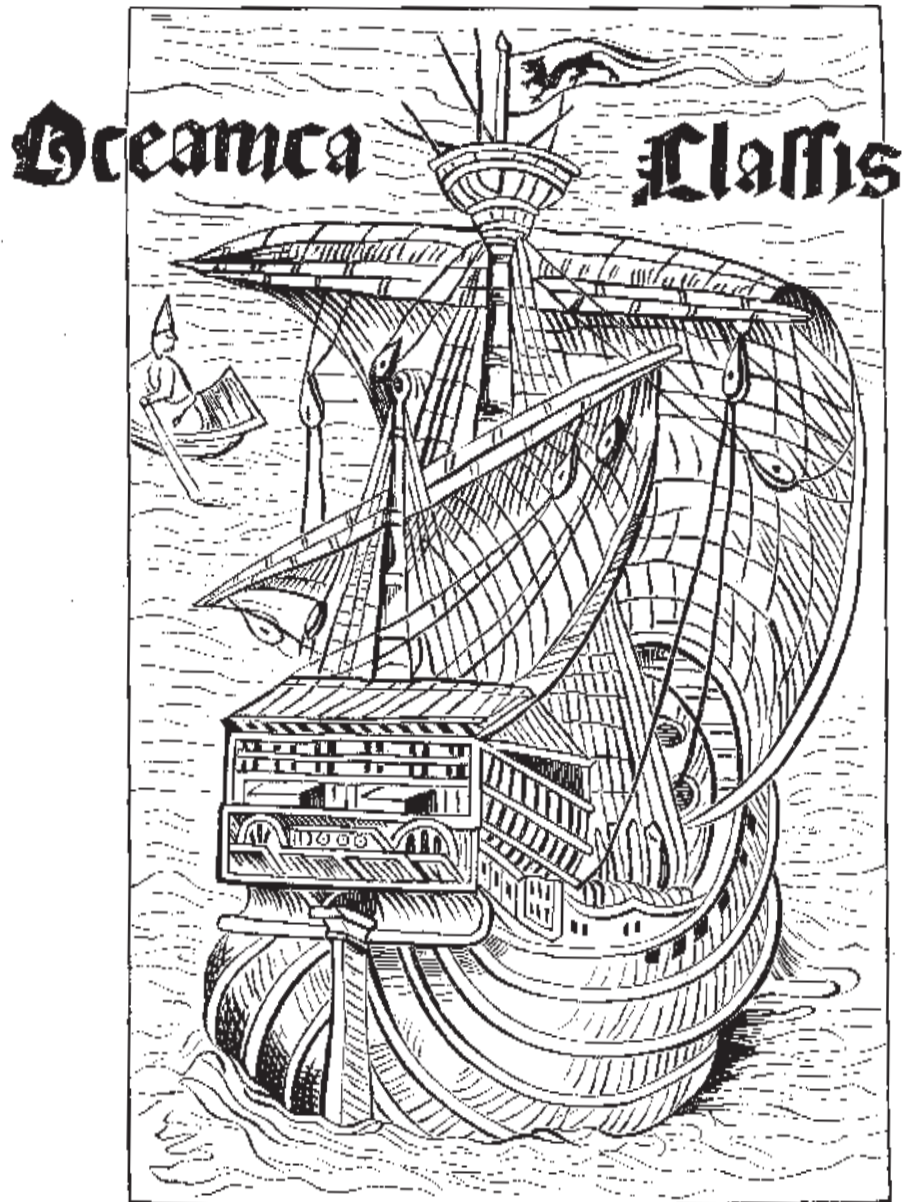
приближалась, и 11 октября на «Пинте», шедшей впереди, вытащили из воды свежесорванные береговые растения, кол и посох с вырезанным узором. В 10 часов вечера в пятницу, 12 октября 1492 г., на палубе «Пинты» пронесся крик: «Тегга! Тегга!» Раздались пушечные выстрелы. Это был остров Гуанахани, один из *Антильских островов*, берег которого выдавался вперед, озаренный лунным светом.

Открытие
Нового
Света.
1492 г.

Жители этого острова ходили совершенно нагие; они развились лишь до племенного управления под главенством своих касиков и жили в бедных деревушках. Поклонялись они идолам, имели свои игры и песни, своих жрецов. Это было мирное племя, которому угрожало другое, сильнейшее и более развитое, наступавшее от устьев Ориноко. Этому племени, *карибам*, не пришлось продолжать своих завоеваний на запад с появлением здесь белых вооруженных людей, вышедших из моря с огнестрельным оружием и обученными собаками. Остальные Антильские острова были открыты случайно, один за другим, как и *Куба*, причем испанцы всюду встречали роскошную растительность, а также золото, которое туземцы отдавали почти даром. Эта легкость добычи не удовлетворяла, а только разжигала корысть, от которой не был свободен и сам великий Колумб. Флотилия вернулась, построив небольшое укрепление и оставив в нем маленький гарнизон. 31 марта 1493 г. Колумб торжественно вступил в Севилью, откуда отправился ко двору, где был принят с величайшим почетом.

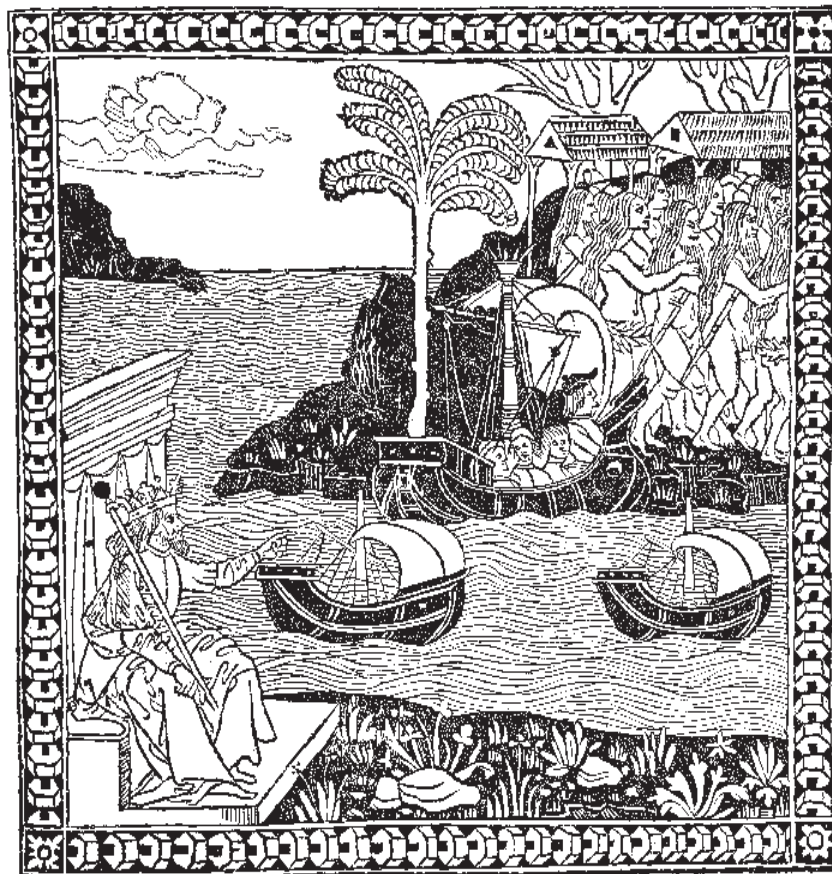
Дальней-
шие от-
крытия.

Все оставались в убеждении, что открытые острова лежали у восточного берега Азии. Новая эскадра готовилась в путь. Между Испанией и Португалией завязался спор: последняя считала открытые земли принадлежащими сфере ее владычества. Решение было предоставлено папе *Александру VI*, который, смело разделив земное полушарие по одному из меридианов, отдал спорящим государствам правую и левую половину. В сентябре 1493 г. выступила в море вторая эскадра, на которой было немало дворян. Идя в более южном направлении, нежели первая, она в начале ноября пристала к *Гваделупе* и прошла среди групп островов, пока не поравнялась с крепостью Навидад на Сан-Сальвадоре, как назвал Колумб открытый им остров. Корабли ждали лодок, которые при-

Испанская каравелла времен открытия Америки.

La lettera dell'isole che ha trouato nuouamente il Re di spagna.

Высадка Колумба. Гравюра на дереве. С титула книги, напечатанной в Италии в 1493 г. Лондон. Британский музей.

ответственно вышли бы им навстречу, но их не было: европейцы не показывались, а туземцы робели. Высадясь, прибывшие вместо крепости нашли лишь пожарище и трупы белых. Из рассказов туземцев можно было понять, что оставленный гарнизон оскорблял жителей самым гнусным образом, затем европейцы перессорились до резни между собой, и тогда туземцы уже без труда одолели их. Испании было нелегко удержать за собой вновь открытые земли. Вначале, естественно, они стоили дорого и потому не пользовались сочувствием в Испании. Адмиралу не простили то, что он оберегает свои «золотые»

привилегии с чисто итальянским барышничеством, но особенно то, что он генуэзец, «лигуриец». Он продолжал, однако, свои открытия на Кубе и Гаити, познакомился со страшными бурями, бывающими в этих местностях, заставлял некоторых царьков присягать на верность заморской короне. Кое-где туземцы просили крещения, как забавной игры, пока не стали пугаться той мысли, что им из-за этого обряда придется после смерти находиться в одном месте с испанскими притеснителями. Когда Колумб вернулся в *Изабеллу* на Гаити, во временное средоточие вновь открытых земель, где соединился со своим братом

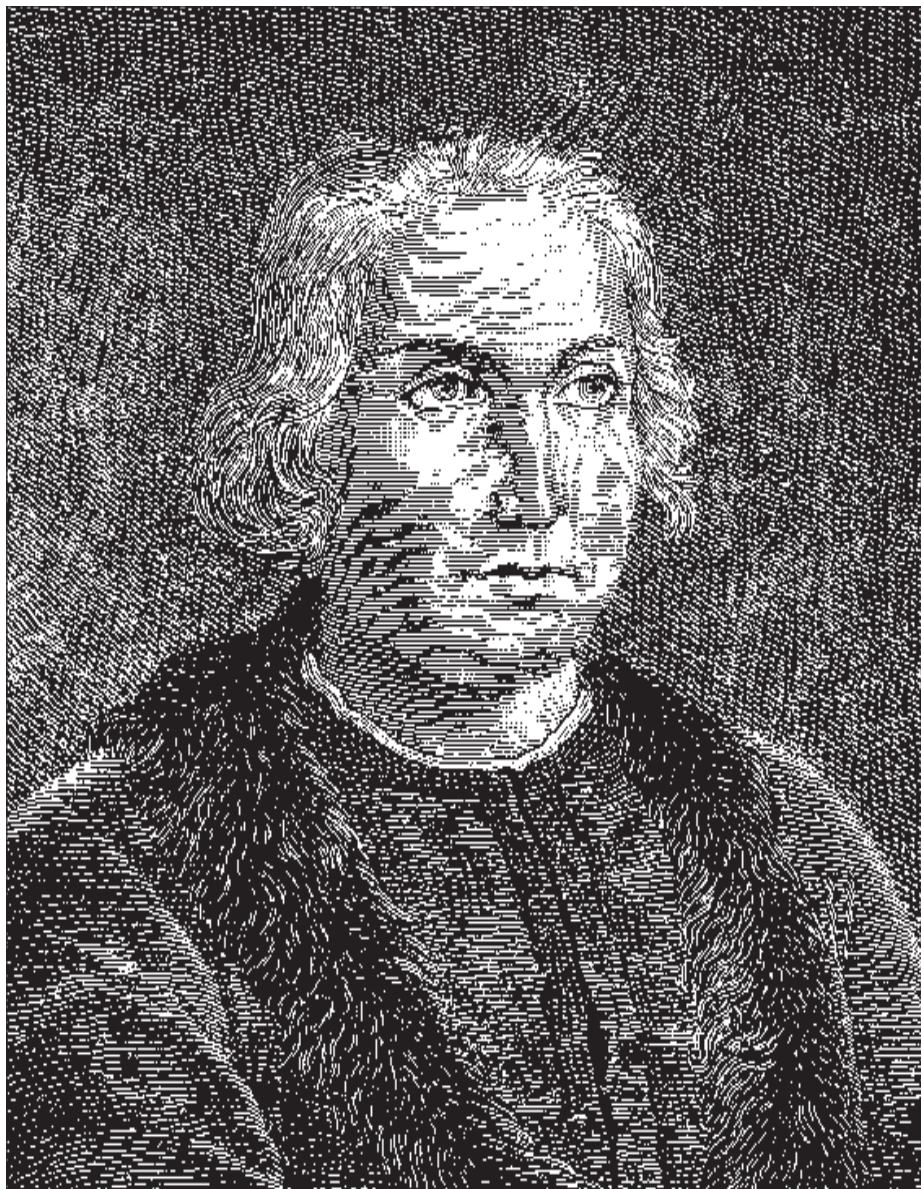
Nūc ꝑo & hę partes sunt latius luſtrataę & alia
 quarta pars per Americū Veſputiū (vt in ſequenti
 bus audietur) inuenta eſt / quā non video cur quīſ
 iure vĕter ab Americo inuentore ſagacis ingenij vi
 Ameri ro Amerigen quaſi Americi terrā / ſiue Americam
 ca dicendā: cū & Europa & Aſia a mulieribus ſua for
 tita ſint nomina. Eius ſitū & gentis mores ex his bi
 nis Americi nauigationibus quę ſequunt̄ liquide
 intelligi datur.

Отрывок из книги «Cosmographiæ Introductio» Хилакомила, изданной в 1507 г., где впервые появляется слово «Америка».

Бартоломео, прибывшим в 1494 г., он нашел среди поселенцев недовольство, распущенность и крайнее злоупотребление властью над туземцами, которые, привыкнув к привольной жизни, гибли под бременем непосильных работ. Лица, возвратившиеся в Испанию, изображали положение колоний в самых мрачных красках, обвиняя во всем Колумба, клевета на него, так что когда на острова прибыл присланный двором надменный комиссар, Колумб счел необходимым поехать в Испанию, чтобы вернуть себе блекнувшую королевскую милость.

Прежде чем Колумб отправился в третье путешествие, два венецианца, *Джон и Себастьян Каботы*, состоявшие на службе Генриха VII, английского короля, открыли американский материк, хотя и не признанный еще материком. 24 июня 1497 г. они подошли к берегам *Лабрадора*, под 56 градусов северной широты. Англичане и французы тоже снаряжали морские экспедиции на Запад и скоро случайно столкнулись там с испанцами. Колумб успел добиться подтверждения своих привилегий испанской короной, но ему пришлось выдержать борьбу с непопулярностью своего предприятия. В результате он смог пуститься в свою третье путешествие с шестью судами лишь в 1498 г. В этот раз он увидел южноамериканский материк, но тоже не принял его за континент, а проследовал заливом Пария между островом Тринидад и дельтой Ориноко, потом через пролив Бокас-дель-Драгон вышел на запад,

Судьба
Колумба.

*Предполагаемый портрет Христофора Колумба.
Мадрид. Морской музей.*

снова в открытое море, и быстро достиг Малой Испании — Эспаньолы (Гаити). Он нашел здесь половину поселенцев погибшими от лихорадок, остальные, с главным судьей Рольданом во главе, взбунтовались против Колумба. Они вынудили его подписать унизительный договор. Более всего при этом пострадали туземцы, притесняемые обеими сторонами. Разные мелкие искатели новых земель часто переплывали за море; между ними был и флоренти-

Дом в Вальядолиде, где в 1506 г. умер Колумб.

нец *Америго Веспуччи*, имя которого, по прихоти судьбы, осталось за новооткрытым материком. Сам Колумб, «открывший кладбище для испанских идадьго», был в немилости. Он не был способен управлять открытой им страной. Королева Изабелла, сознавая свои обязанности как христианской повелительницы новых подданных, скорбела о беспощадной торговле людьми, последовавшей за великим открытием. На место была послана следственная комиссия под председательством Франсиско де Бобадильи. Приближаясь в августе 1500 г. к новому поселку или городу *Санто-Доминго*, он увидел на берегу виселицу с казненными по приговору Колумба мятежниками. Сам Колумб отсутствовал. Бобадилья тотчас принял меры: без дознания, превышая свои полномочия, но опираясь на непопулярность адмирала, он арестовал его, как

только тот вернулся, и в оковах отослал в Испанию. При известии о его пребывании в таком положении двор тотчас отдал приказ снять с него цепи, но Колумб оставил их на себе и явился в них перед королевской четой в декабре 1500 г. в Гранаде. Фердинанд и Изабелла почувствовали оскорбление, нанесенное великому, славному имени. Они оказали Колумбу величайшие почести, возобновили привилегии, но не отправили его более за море в качестве правителя, что вернуло его к истинному призванию: открытию новых земель. В мае 1502 г. он предпринял свою четвертую поездку с целью исследования среднеамериканского перешейка. Колумб открыл здесь еще несколько островов, приставал к полуострову *Юкатан*, но терпел много от бурь и от сопротивления своих и туземцев. Против этих последних он ловко воспользовался лунным затмением 29 февраля 1504 г. Увидя, что его угроза начинает сбываться и что блестящий диск луны меркнет, дикари стали молить о пощаде и поспешили исполнить все его требования. В ноябре того же года Колумб вернулся в Испанию. Его процесс, возникший из-за невозможности осуществления первоначальных притязаний, длился, даже когда смерть уже настала этого великого человека в Вальядолиде в 1506 г. Гордая надпись, позднее начертанная на его гробнице, гласит: «A Castilla y a Leon Nuevo mundo dio Colon» («Государствам Кастилии и Леон даровал новый мир Колон») и свидетельствует о всемирно-исторической заслуге Колумба, не осознанной им самим. Он сошел в могилу с той мыслью, что открыл путь морем в Индию, восточную окраину Азии, благодаря своему странствию с Востока на Запад.

Дальней-
шие от-
крытия.
Бальбоа.
1513 г.

Сознание того, что был найден действительно новый материк, поистине «Новый Свет», еще предстояло. Это суждено было сделать одному кастильцу, хорошего, но не знатного происхождения, — *Васко Нуньесу Бальбоа*, который участвовал в морском отряде, отправленном для новых открытий, но устроил заговор, отделился во главе шайки искателей приключений по прибытии в Дарьенский залив и низложил там наместника Никуэсу, следовательно, совершил государственное преступление. Туземцы этой части *Панамского перешейка*, прилегающей к Южной Америке, стояли на более высокой ступени нравственного развития, нежели жители Антильских и Карибских островов. При одном из многочисленных походов Бальбоа один из туземных властителей сказал ему: «С той горы можно увидеть и другое море», указывая при этом на одну из вершин горного хребта Центральной Америки, служившего продолжением Кордильер. Бальбоа с отрядом из 190 испанцев и 600 туземцев пустился в экспедицию 1 сентября 1513 г. и 25 числа, достигнув одной из безлесных высот, увидел извилистый залив другого великого моря — *Тихого океана*. Подавленный величием картины, он упал на колени, благодаря Бога, сподобившего его, ничтожного человека неблагородного происхождения, совершить столь многозначительное открытие. Отряд спустился к берегу, где смог наблюдать морской прилив и отлив. Бальбоа прошел вброд, по колено в воде, держа знамя с изображением святой Девы с младенцем Иисусом на руках, и признал именем испанской короны, как выражается одна летопись, «господство Испании над этими южными морями, землями, берегами,

гаванями и островами, со всеми принадлежностями и округами». За все это Бальбоа по прибытии в Испанию было прощено его государственное преступление. Тем не менее Бальбоа умер насильственной смертью, благодаря коварству одного наместника, Педрариаса: он был казнен в июне 1517 г.

Великие открытия испанцев пробудили соревнование *португальцев*, которые обратились прежде всего к дальнейшему исследованию западных берегов Африки. Высланные королем Мануэлом (1495–1521) три судна под начальством *Васко да Гамы* вышли в море 8 июня 1497 г. В мае 1498 г. с помощью арабского лоцмана и благоприятного юго-западного муссона Васко достиг *Каликута* на Малабарском берегу, но арабы, с влиянием которых ему приходилось бороться в продолжение всего пути, имели большой вес при дворе раджи и крайне повредили португальцам, хотя Васко обнаружил большую твердость. Во всяком случае, путь был открыт, и скоро «ференги» смогли одолеть своих арабских соперников. Следует отметить, что один из португальских капитанов, *Педру Алвариш Кабрал*, следуя новым морским путем в Ост-Индию и держа путь из Европы на Запад, видел землю — восточный берег южноамериканского материка, именно то место, где теперь находится Санта-Крус в Бразилии (1500 г.). Вооруженные купеческие суда привозили из вновь открытых земель прибыльные грузы пряностей. Это время было героическим в жизни Португалии, эпохой великих воинов и мореплавателей: Дуарти Пачеку, Франсишку д'Алмейда, Афонсу д'Албукерки (1510 г.). При Албукерки португальцы утвердились в *Гоа* и захватили также *Ормуз*, служивший ключом к Персидскому заливу. Их флотилии поднимались вверх по Красному

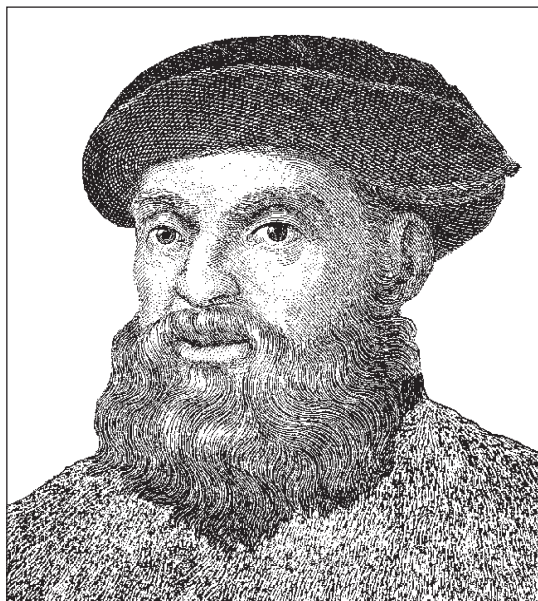
Васко да Гама. 1498 г.

Васко да Гама. Миниатюра из рукописи Педру Барретту ди Рисенда. Лондон. Британский музей.

Васко да Гама. Миниаюра из рукописи Педру Барретту ди Рисенда. Лондон. Британский музей.

морю и завладели таким образом торговлей с Эфиопией и Индией. Александрия, как и все области Средиземного моря, ощутила последствия от продолжения нового торгового пути. Во время одной из своих экспедиций 1521 г. португальцы узнали от яванского морского торговца, что на Молуккских островах, составляющих португальские владения, появились другие европейцы, прибывшие «с востока».

Магеллан.
1551 г.

Фернан Магеллан.
По гравюре на меди Ф. Сельмы.

Так и было: туда действительно прибыли суда *Фернана Магеллана*, который, хотя и был португальцем, представил на вид испанскому двору, что Мо-

луккские острова лежали по ту сторону испанско-португальской раздельной линии, проведенной папой, следовательно, в испанской сфере влияния. Он вышел в море в сентябре 1519 г., продолжал путь, борясь с сопротивлением своих подчиненных, но все больше спускался к югу, вдоль восточного берега Южной Америки, и достиг, наконец, того пролива, который носит с тех пор его имя и делится к западу на множество проходов среди скал. Продвигаться вперед можно было лишь ощупью, люди на судах унывали, потому что одно из них село на мель. Но Магеллан не терял бодрости и 27 ноября нашел выход в Тихий океан. Суда пошли далее, почти по окраине Австралийского архипелага, но не замечая его. В апреле 1522 г. они достигли

Молуккских островов. Магеллан заставил здесь одного туземного царька признать своим владыкой испанского короля Карла I, бывшего и римским императором, и принять христианство, но сам был сражен копьем в битве с туземцами. Однако же он совершил свое дело: 6 сентября 1522 г. 13 европейцев, участников его экспедиции, с тремя азиатами прибыли в гавань Сан-Лукар-де-Борромедра. Босые и в одних рубахах совершили они паломничество в Севильский собор для принесения Господу благодарения за то, что он допустил их к совершению великого подвига: *первого кругосветного путешествия*. Громадное значение этих событий для дальнейшей истории человечества слишком очевидно, и поэтому часто год, когда Колумб осуществил свое намерение отыскать восточный берег Азии плаванием через Атлантический океан с запада на восток и тем открыл еще одну часть света, или, как принято

говорить, «Новый Свет», этот 1492 г. принимается за исходную точку *новой истории*. Но в сознании того времени эти события, несмотря на всю свою важность, не могли иметь такого значения. Даже 20 лет спустя высокообразованные немцы говорят еще об открытом «Новом Свете» весьма неопределенно, как о «новом острове», и общее возрождение в XVI в. не зависит от этих событий. Оба государства, Испания и Португалия, совершившие эти открытия, не внесли своей лепты в подготовлявшийся умственный переворот, несмотря на всю многозначительность совпадения этих открытий с пробуждением нового духа. Чтобы понять это, необходимо бросить взгляд на *Италию*, страну, которая, несмотря на громадный прогресс всех государств, в течение последнего человеческого поколения оставалась центром умственного движения среди европейских народов.

Политическое представление о Римском государстве, бывшем в течение всех средних веков выражением нравственной общности и солидарности европейских культурных народов, было тесно связано с Италией. *Императорский* титул, все еще бывший реальностью, желанным и достойным домогательства благом, мог быть получен только в этой стране, в древней столице империи *Риме*. И, состоя то в союзе, то в борьбе с императорской властью, но нерасторжимо связанное с нею и более сильное, нежели она, как бы сросшееся с Италией, несмотря на свои всемирные притязания, укоренилось здесь *папство*. Как ни были ослаблены, расшатаны, искажены обе эти власти, все же они были столпами, на которых покоилось общественное здание этой эпохи. Сами эти великие силы или имена были причиной того, что Италия была далека от политического единства, которого достигли Франция, Англия, Испания, Венгрия, Скандинавия, в некотором смысле даже Германия к концу средних веков. Италия в это время была даже далее от такой цели, нежели в V или VI в. Как бы созданная самой природой для образования одного национального государства, эта страна, состоящая из узкого полуострова, отрезанного от общей массы материка высокими горами, с одним горным хребтом вдоль всего ее протяжения, одаренная однообразием почвы и климата, была, по меткому выражению, только географическим, а не политическим понятием.

При невозможности подробно изложить любопытные частности политической истории Италии, необходимо ограничиться несколькими краткими указаниями. Принятое деление страны на *Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Италию* основательно и удачно. Из них Верхняя умела приобрести наибольшую индивидуальность. Ее история в последний период средних веков преимущественно городская: она содержит в себе развитие, войны, борьбу за полновластие знаменитых муниципий: Милана, Венеции, Генуи, Пизы и других. Венеция, господствовавшая на Адриатическом море, и Генуя, главный город на Тирренском море, сохранили республиканский образ правления, украсив его монархическим фронтоном — учреждением дождей. Обе эти республики враждовали из-за торговли в восточных водах и вели между собой ожесточенные войны. *Венеция* приобрела решительный перевес с 1381 г., но владычество османов и открытие новых путей сообщения повредили ей из-за ее положения более, нежели Генуе, что восстановило равновесие сил между ними. Строй

Италия.

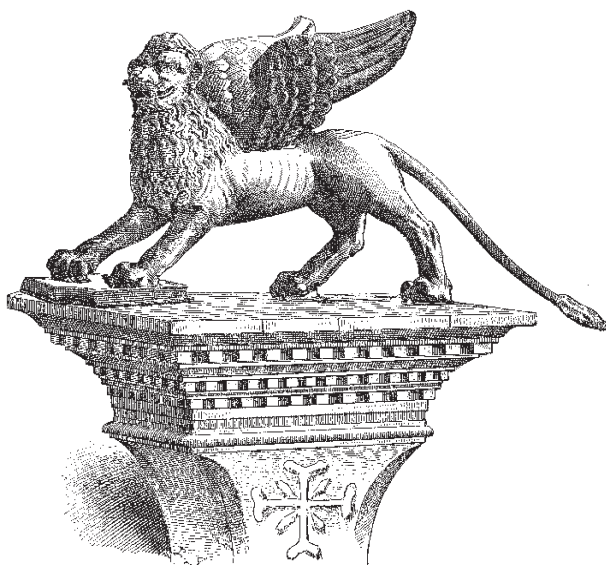
Верхняя
Италия.
Венеция.

Венеции установился в строго аристократическом духе, с тех пор как круг патрицианских фамилий, из которых выбирались члены совета, «il maggior consiglio», стал замкнутым. Эта аристократия, подвергая себя и народ изощренному полицейскому управлению, создала в то же время устойчивый и ненару-

шимый порядок во внутренних делах и положила этим основу продолжительному материальному благосостоянию республики.

Иначе шли дела в *Генуе*, внутренняя история которой представляет бурную смену войн, анархии, вассального подчинения другим державам или полного порабощения им, изумляя при этом постоянно растущим благосостоянием среди всех этих волнений. Большое финансовое учреждение, «*Банк святого Георгия*», основанный в 1407 г., оставался незыблемым достоянием города, не затрагивался ни одной партией

Генуя.

Крылатый лев святого Марка. Бронза. Украшение колонны на площади святого Марка в Венеции.

при всевозможных переворотах. В Милане и Флоренции дела шли другим путем: из военных и гражданских смут здесь выработался монархический строй государства.

Милан. В Милане самой могущественной была фамилия *Висконти* после того, как ей удалось одержать верх над соперничавшим с ней домом делла Торре. Поскольку Милан был имперским леном, патриции сохраняли отношения с главой государства, и король Вацлав возвел Джан Галеаццо Висконти в сан *герцога Миланского*, т. е. Ломбардского. Галеаццо питал самые честолюбивые замыслы, но его преемники, Джованни-Мария и Филиппо-Мария, с трудом удержали за собой свои владения. При войнах Милана с Венецией или Флоренцией битв было много, но с незначительным пролитием крови, потому что «боевые ремесленники», т. е. наемники, под предводительством своих начальников (иначе «*подрядчиков*» или *кондотьеров*), вели сражение наподобие больших маневров: они бились без всякой враждебности, условливались не убивать друг друга, а только брать в плен. Но они были страшной язвой для населения и становились опасны для правительств, которые их нанимали. Всем этим еще раз доказывалось, что республиканский строй государства не может удержаться

имя «века Медичи». С помощью своего колоссального богатства и повинувшись действительному влечению, Лоренцо собирал вокруг себя и поощрял все, что способствовало научным и художественным стремлениям прогрессивной эпохи. При этом он правил разумно и искусно вел республику, свое княжество, среди опасностей, грозивших ей при неустойчивом положении дел в Италии. Но уже вскоре после его смерти стало ясно, до чего шаткой была

Савонарола. Бюст в церкви святого Марка во Флоренции.

основа такой власти. Он сам едва спасся в заговоре, жертвой которого пал его брат Джулиано. Характерно обрисовывает Италию того времени то обстоятельство, что нападение было совершено в церкви во время литургии. Сын Козимо Пьетро был изгнан со всем своим родом. Наступивший за этим изгнанием демократический период ознаменован своеобразной пророческой деятельностью доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, который приобрел с 1489 г., как истый проповедник покаяния, огромное влияние на народ. После падения властвовавшего дома он против своего желания был поставлен во главе

республики, но продолжал свою проповедь о нравственном возрождении с неуклонной строгостью. Однако неудача военного похода французского короля Карла VIII, от которого Савонарола ожидал церковной реформы и полного возрождения общества в самом лучшем нравственном смысле, поколебала его положение. Папа отлучил его от церкви, чем Савонарола пренебрег. При изменении настроения народа он был схвачен и осужден папой как еретик, а синьорией — как мятежник и в 1498 г. сожжен на костре. Долго еще потом в католических кругах и особенно среди доминиканского ордена он слыл мучеником за истину. В 1512 г. Медичи опять вернулись, и их звезда еще

долго не угасала. На полуострове образовались только 2 государства с пространной территорией, сулившей прочность: Неаполитанское королевство и Папская область.

Честолюбивые замыслы принцев французской династии, услуживших папе в его мести против Штауфенов, на деле не осуществились. Попытки вернуть отторгнувшуюся *Сицилию* были неудачны: в ней держались принцы из

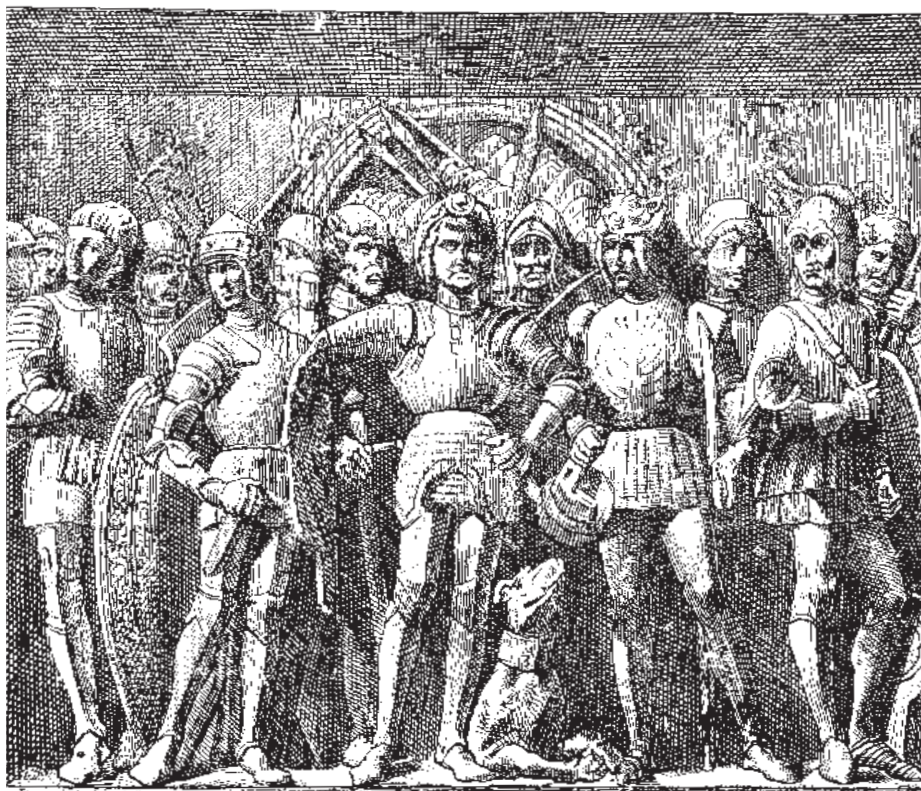
**Сицилия
и Неаполь.**

Воины. Барельеф с триумфальной арки Альфонса Великолепного, короля Неаполитанского, (1435–1458) в Кастельнуово (Неаполь).

Арагонского дома. После смерти Мартина II (1410 г.) остров соединился с арагонской короной личной унией: арагонские короли состояли и сицилийскими королями, начиная с Фердинандо I. Отдаленный остров не имел больше значения для всемирной истории. Его славные дни прошли со времен Генриха VI и Фридриха II, сохраняясь надолго только в народной памяти, и *королевство Неаполитанское*, лишенное своего естественного дополнения, было обречено на подчиненную роль. История этой страны не представляет никакого обще-

го интереса. При прекращении мужской линии в Анжуйской династии последнему королю Роберту наследовала его внучка *Джованна*, страшная женщина, вышедшая за венгерского принца Андрея, который по ее повелению вскоре был задушен, после чего она разделила престол со вторым, третьим и четвертым супругом. Возникавшие среди этого смуты, в которых принимали

Триумф Альфонса Великолепного. Барельеф с арки в Кастельнуово (Неаполь).

участие папы, венгерские короли и французская Анжуйская династия, принадлежат лишь к истории самих правителей. Доказывать, что страна, переходя из рук в руки в течение целого поколения, бедствует благодаря борьбе и интригам высших лиц, излишне. В 1400 г. неаполитанским королем стал *Владислав*, сын короля Карла III: после его смерти страну постигла бедственная участь: наследницей Владислава была его сестра, вторая *Джованна*, не уступавшая первой в разврате и злодействах. В 1421 г. она усыновила арагонского короля *Альфонса V*, но после ее смерти в 1438 г. ему пришлось отвоевать королевство у *Рене Анжуйского*, которого она предпочла позднее. Альфонс

одержал верх, в 1458 г. он оставил престол своему побочному сыну *Фердинандо I* (до 1494 г.). Затем следовали попытки французов, вторжения Карла VIII и Людовика XII, и в конечном итоге в 1505 г. был заключен мир между Людовиком XII и королем Арагона Фердинандом Католиком. По обоюдному договору Фердинандо, женившийся на племяннице французского короля, получал Неаполь, который вследствие этого снова объединялся с Сицилией под одной короной.

Что касается *Папской области*, то преимущественный интерес ее истории заключается в непосредственной связи с развитием самого папства. К концу XV в. владения церкви расширились, но не представляли еще сплошной территории, и государству недоставало первого условия прочности, сообщаемой другим странам определенной династией, царственным домом, интересы которого всегда совпадают в общих и главных чертах с народными интересами. Главы церкви, достигавшие власти, большей частью уже в преклонных летах, быстро сменявшиеся, не видели личной цели в стране и ее благосостоянии: она принадлежала не им, а церкви. При духовном характере главы государства, правительство и администрация тоже были в руках клириков, следовательно, дела велись плохо, без учета мирских интересов и с крайне односторонней точки зрения. Папские наместники, присылаемые из Авиньона во время «плена вавилонского», не без труда справлялись с произволом отдельных правителей, «тиранов», которыми делались охотно, пользуясь случаем, честолюбивые и властолюбивые патриции. В Риме между 1346 и 1354 гг. разыгрался странный эпизод трибунства *Колы ди Риенцо*, и во время великой схизмы трудно было решить, кому принадлежит Рим. После кризиса, которым разрешилось соборное движение, вместе с укреплением папства упрочилось и положение Рима и прочих владений святого Петра. Управление страной снова было осознано за обязанность, тем сильнее выступающую на первый план, чем более все после крушения великого движения в пользу церковной реформы начинало принимать существенно мирской характер: люди, особенно принадлежащие к высшим сферам, руководствовались лишь светскими побуждениями: приобретением земель, денег, упоением власти и богатством.

Папская область.

Папы, занимавшие римский престол со времен *Пия II* и до рокового 1517 г., все это время следовали мирскому направлению. Они признавали себя государями, пристраивали своих родственников, которым придавалась теперь с новым применением многозначущего латинского слова кличка «*непотов*», и пользовались для этой цели своею духовной властью, как другие государи — географическим положением своих земель или другим преимуществом. Так действовали *Сикст VI* (1477–1484), *Александр VI* (1492–1503), *Юлий II* (до 1513 г.), *Лев X* (с 1513 г.). Сикст замыслил основать княжество для своего племянника и яростно преследовал противившихся этому, а то, что совершалось при *Александре VI*, было басней всего века. Он был уже стариком, когда достиг папского престола, и, оглядываясь теперь на свою прошлую жизнь, полную порочных наслаждений, особенно старался обеспечить своих детей. Его сын *Чезаре Борджа* облегчил ему эту заботу, убив своего брата и бросив

Папы с 1471 г.

его в Тибр, что было лишь началом целого ряда преступлений, совершенных этим чудовищным человеком. Цезаре был красавец, одаренный физической силой, беззащитно убивавший каждого врага. Даже присутствие его отца, папы, не служило охраной для лиц, которых он хотел уничтожить. Вся эта семья действовала ядом и кинжалом как вполне законными правительственными средствами. Даже самому папе пришлось умереть от яда, приготовленного им для врага. Убийства были лишь видом тех преступлений, которыми был запятнан дом Борджа. Об остальных можно догадываться по тому, что поводом к убийству одного брата другим было большее расположение их общей сестры. *Юлий II* не прибегал к столь насильственным средствам для расширения церковных владений и обеспечения своих родственников, но и его правление отличалось чисто мирским направлением. Он сам совершал походы со своим войском, правил умело, но при нем все духовное прониклось еще более мирским направлением. Характерным проявлением нового духа, господствовавшего теперь при папском дворе, служило то, что *Юлий II* сломал половину базилики святого Петра, этой древней святыни христианства, ради того, чтобы доставить своим художникам желанную возможность воздвигнуть здание в стиле древнего Пантеона. Папский двор при Медичи, *Льве X*, производил впечатление придворного штата мирского владыки, хотя здесь не было уже ничего, подобного разврату времен Борджа. Высокодаровитый *Лев X* находил удовольствие в покровительстве искусствам, представители которых поклонялись ему как знатоку художеств. Он умел ценить государственную мудрость, живопись, музыку, поэзию и поддерживал личные отношения с *Макиавелли*, *Рафаэлем*, *Ариосто*. Ему не чужды были и другие царственные удовольствия: охота на оленя, или с соколами на цаплей, или рыбная ловля. Можно с полным правом говорить о «веке Льва X» как об эпохе, в которую дух древнего искусства и его ясной, свободной поэзии и науки возрождался снова, находя отзыв в душе достойного, щедрого, добродушного папы. Но от того христианского духа, который был положен в основу папства в старое время, или на который ссылаются, ратуя на пользу этого учреждения, не осталось, по сути, никакого следа.

Гуманизм. Авторитет пап как глав церкви мало терял среди впечатлений, которые должны были вызываться таким мирским направлением папства. Развратный *Александр VI* мог подарить своей буллой 1493 г., в силу власти Всемогущего Бога, переданной папам через святого Петра, и в силу его, папы, права, как наместника Христова, «в твердом сознании и в полноте апостольской власти», одну половину мира Испании, а другую — Португалии. Великие открытия возвысили папский авторитет, предоставляя церкви новое, необъятное поприще для обращения народов в христианство и заявления своего могущества. Действительно, папский авторитет усилился, или казался усилившимся более прежнего, и его былая сфера оставалась нетронутой. Часто указывается на то, что при вновь пробудившемся стремлении к изучению *древних классиков*, давно уже зародившемся в Италии, а теперь получившем новую опору в ученых греках, бежавших на Запад со своим знанием и своими рукописями, после рокового 1453 г., был совершен великий шаг к освобождению челове-

ческого ума от гнета церковных предрассудков и слепой веры в авторитет. Этим изучением было в корне подсечено могучее древо папского владычества. Говорят, что возрождение классицизма, распространение школ, основание академий, а затем великое, обильное своими последствиями изобретение книгопечатания подвижными металлическими литерами лишили духовенство его привилегии быть единственным источником и посредником в распространении знаний среди интеллигентных мирян. Справедливо, что гуманизм,

как принято называть это новое жизненное явление, оказался влиятельным в этом отношении. Но ошибочно думать, что гуманизм сам по себе мог представлять опасность для старой церкви. Он мог вредить ей настолько, насколько могло вредить само по себе изобретение книгопечатания. Изобретения книгопечатания и пороха не представляют прогресса, но служат лишь новыми средствами, новыми двигателями для преуспевающего человеческого ума. Книгопечатный станок, как и паровая машина, могут быть орудиями как истины, так и лжи, как добра, так и зла. Изучение древности имело громадное, частью отуманивающее действие: весьма часто возродившиеся языческие представления примешива-

Медаль папы Александра VI.

лись непосредственно к христианскому мировоззрению; так, например, великий Данте не сомневается говорить о «верховном Юпитере» (sommo Giove), претерпевшем за нас на земле крестную смерть. Боккаччо спокойно называет Христа сыном Юпитера, но такое воздействие было слишком слабо с одной стороны, а с другой слишком уклонялось от религиозной почвы, на которой могла совершиться действительная реформа европейского общества. В Италии полное неверие в некоторых кругах, особенно высших, считалось проявлением хорошего тона. В других странах охладел интерес к церковным и религиозным вопросам. Люди жили уже не в том мире веры, в каком находились во времена Бонифация и Бернара Клервоского. Вся атмосфера того времени была насыщена критическими, оппозиционными элементами. Лица, вкушившие нового образования, с бесконечным презрением смотрели на погрязших во тьме, схоластически обученных или вышколенных в таком духе. На них, державшихся «старья», сыпались остроты и насмешки. Но мир не стал свободнее от того, что издевался над своими цепями. Все остерегались доводить свою оппозицию до риска сломать себе шею, помня, что четыре первых десятилетия XV в. доказали, насколько могущественно еще папство, и конец гуситской революции вселял страх в оппозиционные элементы. Не прекращавшиеся или возобновляемые финансовые вымогательства возбуждали негодование. Неизлечимые язвы среди духовенства вызывали осуждение или смех, но общество предпочитало только тешиться рассказами о безобразиях, происходивших в мужских и женских монастырях, причем, разумеется, лишь

часть этих сплетен была достоверной. Все мирились с существовавшим порядком, заведенным испокон века. Трусость и полужошь в отношении церковных и религиозных вопросов, подлаживание, компромиссы при полном внутреннем индифферентизме, — все это ознаменовало ту эпоху, как служит теперь знаменем и нашей. Во всех материальных сторонах жизни эта эпоха — вторая половина XV в. — делала громадные успехи. Все человеческие интересы направлялись сюда; благосостояние возрастало повсюду, а вместе с ним и жажда наслаждений и роскоши. Можно было позволять себе все и затем примиряться со своей совестью с помощью пожертвования или какого-либо другого доброго дела в духе господствовавших церковных понятий, отлично приспособленных к сделкам такого рода.

Мартин Лютер.

Правящие общественные классы того времени — государи и высшее духовенство с его свитой — были удовлетворены существовавшим положением, действительно выгодным для них. Никому не могло прийти в голову, что столь ничтожное обстоятельство — спор между повздорившими монахами в небольшом немецком университете, а именно самом младшем из них, Виттенбергском, на Эльбе, — перевернет европейское общество через малое число лет. Однако это произошло: при папах Александре VI и Юлии II в одном из тюрингских монастырей вырастал юноша, принимавший к сердцу дело христианства. Он не был знаком с мирскими тревожностями, не знал политики и степени того участия, которое принимает в ней церковь. В то время как слова Древнего и Нового Завета подтверждали такие деяния, которые не имели ничего общего с истинным делом Христа, — слово Господне, Священное Писание как нечто целое, вмещающее дух учения Христа, тронуло душу искреннего и твердого человека. Этот августинский монах, *Мартин Лютер*, сын тюрингского горнорабочего, со всем простодушием истого крестьянина выступил против общего неисцелимого злоупотребления и нанес этим, сам того не зная и не желая, первый удар зданию, которое впервые показалось тогда всем расшатанным (каким и было в действительности) и не удовлетворяющим изменившимся потребностям духа европейского человечества.

Гравюра
Форести де Вергамо. 1497 г.
Феррара.